

21 января 1927 года

Часы показывают 6.42, когда в Абергавенни, что в Южном Уэльсе, в спальне на верхнем этаже стандартного коттеджа, втиснутого между другими такими же, Ангарад Льюис плотно сжимает зубы и тужится еще раз. Она рождает девочку, которой вскорости даст имя Вайолет, кроху с темно-синими глазками, что молча смотрит на мать, когда акушерка уносит ее стеснить и запеленать. В тот же самый момент, в 6.42, на другом конце страны, в устеленной полотенцами комнате в восточном крыле Фарли-холла неподалеку от Нарсборо, это Северный Йоркшир, Амелия Бринкхерст издает последний залп брани, меж тем как ее сыночек прорывается себе в мир. Весь красный, Элберт Перегрин Бринкхерст торопится распрямить свои длинненькие конечности, ряззывает рот и заходится криком.

Глава 1

Апрель 1947 года

Все началось с письма. Письма на розовой бумаге, которой всегда пользовалась подруга Роуз, и которое Летти перечитывала снова и снова с тех пор, как два месяца назад нашла его у себя на пороге.

В апреле мы с Берти отправимся в пеший поход по Брекон-Биконс — и разве это не в ваших краях? Как ты смотришь на то, чтобы нам повидаться? Я так просто умираю, как хочется!

Когда Летти прочла это в первый раз, при мысли о том, что она обнимет подругу и ей выпадет случай познакомиться с младшим братом Роуз, Берти, ее окатило легкой волной возбуждения. Теперь день настал, и Летти нервно потягивала лимонад, пощипывающий пузырьками нёбо. В “Овечку” она явилась загодя, на полчаса раньше, не особо доверяя автобусам, курсирующим между Абергавенни и Бреконом. Заняв потертое кресло в том закутке паба, куда женщины

допускались¹, расправила складки любимой юбки, чуть взбила свои темные кудельки. Ну не глупо ли, укорила она себя, так трепетать! Но с Роуз они не виделись с конца войны, когда работали телеграфистками в Лондоне, а с Берти и вовсе встретятся в первый раз.

Однако ж ее всегда занимала мысль о нем, с тех самых пор, как обнаружилось, что родились они в один день. Роуз, которая в войну командовала целым батальоном телеграфисток на центральном почтамте, при поступлении на службу всякой новой девушки имела обыкновение пометать, когда у той день рождения, чтобы поздравить, когда подойдет час.

— Двадцать первого января? Представь, и мой братик Берти родился тогда же! — воскликнула Роуз. — А тебе тоже восемнадцать?

Летти кивнула.

— Чудеса!

Роуз, явно под впечатлением, повнимательней на нее посмотрела, и Летти стало приятно, что у них с Роуз есть точка соприкосновения. Было в ней что-то, в этой высокой яркой девушке, что нравилось Летти вопреки тому, что они, это же видеть сразу, совсем из разных миров. Такую внятную и мелодичную речь Летти доводилось слышать прежде разве что из радиоприемника.

Она расспрашивала Роуз о Берти столько, сколько могла, чтобы не показаться назойливой. В голове у нее сложился его портрет: элегантный, учтивый молодой человек в смокинге, рассуждающий о Гомере. Высо-

¹ В Великобритании вплоть до 1982 г. закон разрешал отказать в обслуживании женщине, зашедшей в паб без сопровождения (*Здесь и далее прим. перев.*).

колобей занятия, чем в Оксфорде изучать классические языки и литературу, считала она, на свете нет, так что Берти наверняка ужасно учен и собой подавляет.

Заметив, что почти уже прикончила свой лимонад, она поигралась с мыслью, есть ли у нее время до их прихода выпить еще стакан. Но в целом как-то в голове не укладывалось, что они, Роуз и этот Берти мифический, и впрямь могут сюда, в их местный паб, явиться.

Не будь войны, они с Роуз, конечно, ни за что бы в жизни не встретились. Летти считала, что в ином случае она сама вряд ли уехала бы из Южного Уэльса, а светские дамы вроде Роуз такие места, как почтовое отделение Абергавенни, посещать обыкновения не имеют. Правда, проработали они вместе совсем недолго: стоял 1945 год, и уже маячил конец войны, когда Летти поступила на Лондонский почтамт.

Огромное здание на углу улицы Сен-Мартин-Ле-Гран кишело девицами, которые до того и думать не думали, что им доведется работать в Лондоне или даже что вообще доведется работать. Щебеча и порхая там, подобно воробышкам в ветвях дерева, от духозахватывающих, нагнетающих страх сирен и от вида развалин отвлекались они тем, что приток солдат и офицеров не иссякал, в Хаммерсмит-пале шли танцульки, а Вест-Энд блистал шиком.

Летти прибыла туда, сбитая с толку не меньше других; никогда раньше в столице она не бывала. Но прошло несколько недель, и Лондон она полюбила. Покачивалась на заднем сиденье автобуса под звоночки, оповещающие, что сейчас остановка, под тарахтенье мотора. Высокие здания перекрывали собой небо, в обширных парках народу было

полно. Она подолгу блуждала, что не рекомендовалось, по разрушенным, безымянным улицам. Впервые в жизни она была сама по себе и вдали от дома. Независимость волновала. И все больше нравилось ей знакомиться с самыми разными людьми: в дешевой гостинице, где она поселилась, обитали еще четырнадцать девушек. По вечерам, за общими чаепитиями, они сблизилась стремительно и сердечно. Похоже было на то, что и невидимые стены между людьми тоже оказались разрушены.

Роуз была их, телеграфисток на центральном почтамте, лидером, столпом и опорой — жизнерадостная, убежденная в том, как важен их труд для победы, она помогала не унывать одиноким, подавленным и нервным. В первые недели пребывания Летти в Лондоне Роуз приняла ее, не устающую всему изумляться, под свое крыло и даже пригласила как-то в отель на чай с тортом (“Мне эти дурацкие деньги девать некуда — так позволь же тебя угостить!”). И Летти поразилась тому, как легко оказалось с ней разговаривать — по-настоящему разговаривать, по душам, — несмотря на все их несходство.

— Странное дело, но эта война, — как-то сказала Роуз за чашкой чая в гостиничке Летти, где по стенам ползла плесень, — тем, что нам сделалось необходимо работать, она привнесла в нашу жизнь цель и смысл.

Летти подняла глаза, чтобы посмотреть ей прямо в лицо.

— Кому “нам”? Ты имеешь в виду женщин вообще или только таких, как ты?

Роуз покрутила в пальцах свою светло-каштановую прядку, и Летти стало неловко из-за того, что она

намекнула на разницу в их происхождении. Так-то она старалась не слишком задумываться над тем, что отец Роуз был настоящий лорд, а у подруги есть и титул, и земли.

— Женщинам. Девушкам, — ответила Роуз. — Если бы не война, единственным нашим делом было бы подыскать себе мужа и все такое.

— Ну, я и так работала в Абергавенни, на почте. Таким, как мы, многим приходится... — мягко проговорила Летти.

Летти устроилась на почту в пятнадцать, когда оставила школу; и без того она проучилась на год дольше, чем считал нужным ее отец. Миссис Кеттерик строго указала ему на то, что Вайолет “очень толковая”, и стала настаивать на том, чтобы городской совет выделил ей одну из немногих стипендий, пусть девочка продолжит обучение в средней школе. Но потом они узнали, что Кэрри Джонс, которая служила в маленьком почтовом отделении на главной улице в Абергавенни, ждет четвертого ребенка, и предложение занять этот пост вместо Кэрри было слишком соблазнительно, чтобы Летти от него отказалась, стипендия там или нет.

— Но разве эта работа не была чем-то вроде временной остановки? — настаивала Роуз. — Способом занять время, пока ты еще не замужем?

— Пожалуй. Хотя сама-то я смотрела на это дело иначе. Но, наверное, именно так относился к нему мой отец.

— Я просто о том, что у многих девушек — ну, таких, как мы, — и в мыслях не было, что придется делать что-то серьезное, от нас этого никогда, в общем-то, и не требовалось, — продолжила Роуз. — О, я знала,

что воспитание детей и ведение домашнего хозяйства станет нашей работой — и это работа важная. Но как-то по-другому, не так ли?

Летти склонила голову набок, показывая, что внимательно слушает.

— Наша служба в военное время — это вынужденно и нежданно-негаданно. И дает повод пораскинуть мозгами. И отлично, как раз самое время — я думаю, женщинам это нужно.

Летти и Роуз грелись дружбой, укрепившейся в силу обстоятельств, но прошло несколько месяцев, и наступил конец. Все размахивали флагами, все порывисто целовались; наблюдая, как светятся радостью лица вокруг, сама Летти ежилась от холодной струйки разочарования. Она знала, что настроение это неправильное, что признаться в нем нельзя даже себе самой. Но видение зимних полей, раскинувшихся вокруг ее дома — голая, фиолетово-бурая земля, затвердевшая в борозды, протянутые в бесконечную даль, — преследовало ее.

Дома, в Абергавенни, Летти стало казаться, что время, проведенное в Лондоне, запечатано и уплывает, почти что воспоминание о том, чего не могло быть. Но однажды по почте пришел лиловый конверт. Все девушки, расставаясь, клялись, что будут поддерживать связь, но только Роуз подтвердила это на деле, доказав, что писать письма любит и отлично умеет. А потом она начала присылать книги.

— Зачем тебе это шлют, Летти? — спросил отец, встопорщив свои густые усы, как это бывало, когда он ощущал угрозу.

Не ответив, Летти вынула пакет из его рук и, развернув, нашла там тяжелый том “Грозового пере-

вала” в кожаном переплете, присланный из “ну просто огромной” библиотеки Фарли-холла, как, величественно на слух, именовалось поместье Роуз.

Отец Летти не особо жаловал чтение, хотя о том, какой он мастак разгадывать кроссворды, по окрестным долинам ходили легенды. Эван пел в церковном хоре, служил на железной дороге и состоял в лейбористах. Но даже одобряя то, что его сыновья — оба младше Летти, оба в ярости из-за того, что не досталось повоевать, — разделяют взгляды Джорджа Оруэлла, он резко выказал недовольство, увидев, как Летти проводит воскресенье за книгой, у камина, усевшись с ногами в кресло с ветхой до дыр обивкой.

Она пропускала это мимо ушей. Письма и книги давали ей выход в другой мир, и если уж не в безумный, напористый Лондон, то точно не в сонный Южный Уэльс. Они возмещали то, как скукожилась ее жизнь.

Спала Летти на узкой кровати, отделенная от братьев тяжелой старой гардиной, трудилась пять дней в неделю и по утрам в субботу, а в субботние вечера позволяла себе полпинты пива в “Фонтане”. Но порой то, как визгливо веселились в пабе ее приятели, угнетало. Видно, так выплескивает себя почти истерическое облегчение от того, что ты не погиб, думала она, наблюдая за тем, как глаза их горят, а рты силятся что-то сказать, дельного не говоря, как будто быть живым имеет смысл, если только ты плывешь по течению.

Снова взявшись за лимонад, Летти допивала его до дна, когда к ней устремился, путаясь в соломе, которой устелен был пол, какой-то молодой человек.

— Летти?

Ага, вот и он.

Хоть она его и ждала, Летти слегка озадачилась. Уж очень он оказался высок и худ, светло-каштановые волосы взмокли от пота, несколько прядок свесилось на кроткие карие, широко поставленные глаза. — Берти?

“Но где же Роуз?” — подумала Летти, в нарастающей панике сжимая пустой стакан.

“Что мне стоило подождать Роуз!” — подумал Берти, сожалея о своем решении обогнать сестру и явиться в паб первым.

Прежде его не слишком заботила встреча с подругой Роуз. Теперь же он обнаружил, что смотрит в такие глубокие, такие темные, такие синие глаза, каких он, показалось ему, никогда в жизни не видел.

Берти обогнал Роуз на последнем отрезке их двенадцатимильной прогулки по влажной и густой, чем дальше, тем гуще, зелени Брекон-Биконс — с детства укорененная привычка соревноваться, от которой ни брат, ни сестра еще не готовы были отказываться. Роуз было двадцать два, она на два года старше Берти, и ноги у нее так вымахали в отрочестве, что хоть куда, соперничали они на равных. Но теперь он регулярно ее опережал, вот и оказался в гостинице с низкими потолками, где они сняли на выходные довольно убогие комнаты, один, запыхавшийся и на одеревенелых ногах. — Привет-привет! Очень рад познакомиться с вами, Летти. Я слышал... то есть Роуз... она..

Берти производил впечатление человека, у которого куда больше конечностей, чем это обычно бывает, и он плоховато с ними освоился. Простер было в приветствии длинную руку, на полпути передумал, провел взамен дланью по встрепанным волосам, ни-

мало их не пригладив, и уж потом ткнул решительно, указав на пустой Леттин стакан.

— Не хотите ли выпить? Еще что-нибудь... то есть... не могу ли я...

— Полпинты мягкого, пожалуйста, — быстро произнесла Летти.

Берти с большим энтузиазмом кивнул, глядя куда угодно, только не ей в глаза, затем, мотнув несколько раз всем своим длинным телом в сторону бара, переместил наконец к стойке свои конечности и бу-мажник, чтобы заказать пинту горького и полпинты мягкого. Рассматривая его и изо всех сил стараясь не пляться, Летти поняла, как ошиблась в своих представлениях: основываясь на картинках из книжек, она выстраивала в воображении образ какого-то аристократа, которые давно уж, наверно, вымерли, тогда как он обычный двадцатилетний парень, взлохмаченный, в заляпанных грязью брюках.

Вернувшись с пивом, Берти плюхнулся в коричневое кресло с ней рядом, слегка расплескав при этом свою пинту. Оба они уставились на костерок, потрескивающий за корявой каминной решеткой. Длилось это, пожалуй, всего несколько секунд, не больше, но у Летти от молчания все тело заныло, и стиснулись скрещенные в лодыжках ноги.

— Вы не будете возражать, если я скину ботинки? — сказал Берти.

Ступни у него горели. Но, кроме того, возня с влажными шнурками дала бы удобный повод обратить свой взор в пол. Уж лучше так, чем смотреть в лицо, в глаза этой Летти.

Та, помотав головой, дескать, не буду, постаралась ничем не выразить своих чувств.

Мужчины, которых она знала, ботинок в пабе никогда не снимали — впрочем, являлись они сюда после работы и тут, стоя, осушали свои пинты с таким видом, будто это последнее их трудовое свершение за день, а не награда. Берти, напротив, принялся расшнуровывать походные ботинки так, словно намеревался потом задрать ноги как человек праздный.

Потягивая пиво, Летти глядела на то, как он мается со шнурками. Она и без того ожидала, что Берти покажется ей столь же чуждым, как Роуз при первой их встрече, но теперь это ощущение усиливалось еще какой-то его... *мужской сутью*. Да и вообще поражал этот странный, неведомый ей подвид мужчины с его твидовым пиджаком, непохожим на местный выговором и рвением угодить — ласковым, но нескладным.

— Как прошла ваша прогулка?

— А! — Берти, которому удалось стащить первый ботинок, перевел было дух, но тут же омрачился сознанием того, что от носка несет мокрой псиной. — Да, очень хорошо. Здесь есть на что посмотреть. — ответил он, пытаясь упрятать ступню под кресло.

— Пен-и-Ван¹, верно?

— О да! Впечатляюще, да... впечатляюще. И до чего ж славно выйти наружу и бродить после той зимы, что мы пережили!

Поставив оба ботинка у камина, Берти наполовину осушил свою пинту, обозрел сначала стены, затем потолок, будто развешанные там полированные конские бляхи страсть как ему любопытны, затем снова глянул на бар и только потом сдался и украд-

¹ Пен-и-Ван — самая высокая (886 м) вершина Южного Уэльса, расположенная в национальном парке Брекон-Биконс.

кой покосился на Летти. Она также, похоже, избегала смотреть на него, отводя глаза, точно в другой стороне паба происходило что-то поинтересней. У нее были ямочки на бледных щеках; брови, тонкие и аккуратные, слегка приподняты. Необычайно узкий нос с пимпочкой на конце тоже выглядел вздернутым, способствуя впечатлению, что происходящее ее потешает.

Или это из-за запаха? Боже, подумал Берти, от меня несет, как отдохлой овцы.

— Летти! Милая!

“Благодарение богу”, — подумали разом оба, когда жизнерадостный возглас Роуз разнесся по пабу.

Не такая высокая, как ее брат, все равно она передвигалась шагами длиннее Леттиных раза в два, не меньше, как обнаружила та, когда пыталась не отставать от нее в Лондоне. Там уличная толпа, которая после неспешного родного городка Летти подхватывала и швыряла, перед Роуз всегда расступалась, как вода перед носом корабля. Роуз пересекла паб примерно в два таких шага и крепкими руками обхватила узкие плечи Летти, почти подняв ее с места.

— Как ты, как ты? Здорово, что он тебя отыскал... Берти! Ты что, снял ботинки? Ну, вообще. И где моя выпивка, а?

— Как же я рада тебя видеть, — сказала Летти. — Сколько времени утекло?

— Ну, года два, не меньше. Да, и я соскучилась по тебе, моя дорогая девочка.

Роуз снова приобняла подругу, присев рядом на краешек кресла. Постучала пальцем по пимпочке, а Летти, сморщив нос, высунула язык и на секунду почувствовала себя школьницей — хотя, конечно же,

в школе у нее не водилось таких умных и уверенных в себе подруг, как Роуз. Наверно, это что-то врожденное, думала Летти, привычно изумляясь тому, с какой легкостью Роуз взаимодействует с миром.

Берти, по-прежнему не в своей тарелке, протянул руку к бару и одними губами, беззвучно, сообщил бармену, что будет пить Роуз — джин с тоником, догадалась Летти, Роуз всегда только это заказывала, — а потом последовал за своим жестом, и не подумав вспомнить о том, что не обут.

“Слухи пойдут”, — подумала вдруг Летти, наблюдая, как Берти скачет в одних носках, кивает, улыбается, вынимает слишком большую купюру. Том за стойкой, литые плечи и лоб, стоял, не шевелясь, пока Берти суетился-возился; братья Дэвисы в упор тяжело на него глядели.

Ну и пусть! Летти почувствовала, как лицо ее вспыхивает от удовольствия при мысли о том, что она с Берти заодно — но еще больше с Роуз. Пусть себе слухи! У нее в животе щекотало от простой и беспримесной радости свиданья с подружкой — подружкой, которую она любит, которую, как ей думалось, она больше никогда не увидит.

Принеся джин с тоником и угнездившись в кресле со своим недопитым еще пивом, меж тем как огонь в камине, потрескивая, грозился подпалить ему ботинки, Берти понял, что и слова вставить в девичью болтовню не может. Перебивая саму себя, его сестра засыпала Летти вопросами о том, где тут в округе непременно нужно побывать, где та любит гулять, о работе, о книгах, которые они обе читали.

Летти обнаружила, что единственный способ взвешенно и толково высказаться о миссис Дэлло-